Друг — о друге, воспоминания посвящены Николаю Федоровичу Русанову

Эти воспоминания — от фантастически одаренного друзьями, памятью и слогом Бориса Михайловича Пономарева.

Александр Галич в 1965 году написал стихотворение «Уходят друзья», ставшее затем песней. В нем были такие проникновенные слова:

«Уходят, уходят, уходят друзья,
Одни в никуда, а другие — в князья».

К великому моему сожалению уже почти все мои друзья ушли именно в никуда. В князья не попал никто из них. Восьмого января 2017 года в это самое «никуда» ушел мой одноклассник и большой друг Коля Русанов — Николай Федорович Русанов, доктор биологических наук, старший научный сотрудник Ботанического сада Академии наук Республики Узбекистан. С течением времени горечь от таких утрат не уменьшается, а становится сильнее и сильнее. По этой причине я решил посвятить свое очередное «повествование» именно ему и нашим взаимоотношениям.

Борис Пономарев и Николай Русанов, 7 ноября 1954 года.

В 1945 году, при поступлении на учебу в ташкентскую школу №50, меня направили в «А» класс. Именно в этом классе у меня почти сразу сложились самые дружеские отношения с тремя учениками: с Сашей Пятаевым, с которым я просидел все 10 лет учебы за одной партой, а также с Колей Русановым и Юрой Сиверским, которые тоже просидели эти 10 лет за одной партой. Что интересно, парта, на которой сидели мы с Сашей, всегда находилась на абсолютной «Камчатке». Она была последней в крайнем ряду вдоль окон

нашего класса, а парта Коли и Юры всегда была предпоследней в том же ряду. Это предопределило многое в наших дальнейших взаимоотношениях.

Юрий Сиверский и Александр Пятаев — конец июня 1955 года.

Общей дружбе способствовало и «географическое» местоположение наших квартир: Коля был почти соседом Саши, он жил на Первомайской, а Саша — на соседней улице Гоголя. Я и Юра тоже были почти соседями: я жил на Жуковской, а квартира Юры находилась на улице Свердлова, в 150 метрах от меня.

Все знают поговорку «Яблоко от яблони недалеко падает». Вся жизнь Коли Русанова идеально подтверждает правильность этой поговорки, поэтому я постараюсь более или менее подробно рассказать не только о нем, но и о его замечательных родителях. Многие

из предков его отца Федора Николаевича Русанова были священнослужителями Русской православной церкви, причем в табели о рангах ее иерархической структуры все они занимали далеко не последние места. Сам Федор Николаевич посвятил свою жизнь ботанике, став знаменитым ученым, основателем Ботанического сада Академии наук Узбекской ССР (теперь этот сад носит его имя), доктором биологических наук, профессором, академиком Академии наук УзССР, Заслуженным деятелем науки, кавалером многочисленных орденов.

Федор Николаевич был чрезвычайно уважаемым человеком в Узбекистане. Поэтому не было ничего удивительного в том, что его неоднократно, в разные периоды времени, вызывали в ЦК компартии УзССР, где поручали возглавить комиссию по проверке работы партийной организации какого-либо научного учреждения. Федор Николаевич каждый раз отвечал, что он с удовольствием принял бы данное поручение, но не может этого сделать по той причине, что не является членом партии. За этим следовала немая сцена, так как сотрудники ЦК не могли поверить в то, что столь заслуженный человек не является обладателем партийного билета.

Федор Николаевич был интеллектуалом высочайшего класса. Он великолепно знал художественную литературу, превосходно разбирался в классической музыке и очень ее любил, был знатоком мировой живописи, сам некогда писал картины маслом. У него имелись огромная библиотека, замечательная фонотека и коллекция прекрасных репродукций картин самых знаменитых художников земного шара. По этой причине, многие «сильные мира сего» почитали за честь близкое общение с ним в неформальной обстановке. В качестве примера, скажу о том, что довольно частым гостем в его доме был министр государственной безопасности УзССР (позднее — председатель Комитета государственной безопасности УзССР) генерал-майор Алексей Петрович Бызов, который почти всегда приходил в сопровождении коллеги по работе Сваричевского, врача по профессии, который в те годы занимал ответственную должность в медсанчасти этого ведомства.

Я ничего, к сожалению, не смогу сказать про генерала Бызова, так как он, как и положено шефу секретной службы, принадлежал к числу людей, «всегда и везде застегнутых на все пуговицы». А вот о Сваричевском, чрезвычайно интеллигентном человеке, имевшем очень любопытную родословную, я могу сказать пару слов. Он был близким родственником знаменитого до революции ташкентского архитектора Георгия Михайловича Сваричевского, автора проектов многочисленных известных зданий нашего города, жена которого была сестрой Александра Федоровича Керенского, премьер-министра Временного правительства России.

Мамой Коли Русанова была Зинаида Петровна Бочанцева, не менее известная в научных кругах, чем Федор Николаевич. Она тоже была ботаником, доктором биологических наук, профессором САГУ (Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте), заведующей цитолого-эмбриологическим отделом Ботанического сада Академии наук УзССР, награжденной рядом орденов СССР. Всю свою жизнь она посвятила изучению среднеазиатских тюльпанов и выведению их новых сортов.

Тюльпан Зинаида. Назван в честь Зинаиды Михайловны Бочанцевой. Впервые описан в 1935 г.

Зинаида Петровна была чрезвычайно доброжелательным человеком. Она прекрасно относилась ко всем школьным друзьям Коли, и каждую весну приглашала нас в Ботанический сад во время цветения растущих в нем тюльпанов, чтобы мы своими глазами увидели такую потрясающую красоту. Это был период отбраковки новых сортов, поэтому мы возвращались в свои дома с огромными букетами этих цветов, подаренных нам Зинаидой Петровной, к радости наших мам.

Семья Русановых жила в те годы, как я уже упомянул выше, на Первомайской улице в доме, в котором жили и другие люди, имевшие отношение к ботанике. Я бывал у Коли довольно часто, поэтому хорошо помню не только их квартиру, но и огромный двор с обильным количеством высаженных в нем кустарников и деревьев, среди которых были даже высокие сосны, которых в Ташкенте тогда было очень мало.

Упомяну здесь и об очередной «неслучайной случайности» (их было в моей жизни довольно много, и я всегда рассказываю о них в своих «повествованиях»). После ташкентского землетрясения 1966 года весь этот район был снесен, и на его месте москвичи построили новые дома. В результате, наша семья стала жить в доме на Первомайской улице, построенном на месте двора, в котором жили Русановы, и одно из окон нашей квартиры смотрело на две сосны из этого двора, каким-то чудом оставшиеся в живых, а два других окна, с противоположной стороны дома, смотрели на окна квартиры, которую получила семья Русановых в новом «московском» доме, построенном на улице Гоголя. Так что мне и Коле после этого стало еще проще встречаться то у него, то у меня.

Старый двор Коли Русанова, как я уже упомянул выше, был очень большим, и мы, его школьные друзья, воспользовались этим обстоятельством, превратив его в своего рода велодром, приезжая туда на своих велосипедах. То же самое делали и подруги Колиной соседки Тани Бутковой, ученицы соседней 44-й школы, приезжавшие в данный двор на своих «дамских» велосипедах, и участвуя с нами в «парных катаниях». Там же возникали и школьные романы между нами.

Борис Пономарев, Николай Русанов и Юрий Сиверский перед поездкой в степь за грибами на велосипедах с моторами — 24 апреля 1960 года.

Коля Русанов, помимо ботаники, был очень талантливым человеком во многих других ипостасях. Еще в школьные годы он очень сильно увлекся фотографией, и данное хобби, по сути дела, превратилось в течение его жизни во вторую профессию. Оно чрезвычайно сильно помогало ему и в его основной профессиональной деятельности ученого-ботаника. Я тоже в школьные и институтские годы увлекался фотографией, но мое умение в этом деле не могло идти ни в какое сравнение с его профессионализмом. Еще в 90-е годы Коля стал успешно применять в своей профессиональной и фотографической деятельности компьютер, в отличие от некоторых своих сверстников, для которых эта техника так навсегда и осталась недосягаемой «тайной за семью печатями». Он и механиком был, что называется, «от Бога», так как, например, он сам, своими золотыми руками, ремонтировал всю сельскохозяйственную технику, бывшую в его распоряжении во время работы в Ботаническом саду.

Коля Русанов был неимоверно талантлив и в лингвистической сфере. Когда в его руки попадала зарубежная статья на ботаническую тему, интересную для него, на совершенно неизвестном для него языке, он брал в руки словарь и переводил для себя эту статью на русский язык. У него было совершенно фантастическое лингвистическое чутье, так как его переводы, как потом выяснялось, были очень точными.

Остряки говорят, что в каждой шутке есть доля шутки. Я тоже позволю себе пошутить:

если бы он узнал, что имеется очень интересный для него текст, написанный с использованием неизвестной человечеству письменности, он сумел бы, как и Юрий Валентинович Кнорозов, перевести для себя этот текст на русский язык.
Коля был настоящим профессионалом и в искусстве виноделия, создавая исключительно для себя замечательное сухое вино. Когда у него рождался очередной винодельческий шедевр, он обязательно приходил с образцом этого изысканного продукта ко мне домой, и мы вдвоем проводили совместную, всегда очень успешную, дегустацию данной «новинки отечественного производства».
В заключение скажу следующее: много лет тому назад Коля женился на Нине Ивановне Штонда, с которой он учился в одной группе в Ташкентском сельскохозяйственном институте, ныне, к великому сожалению, тоже покойной. Брак оказался очень удачным, они вместе работали и в Ботаническом саду. Но эти семейные узы оказались весьма благоприятными не только для них, но и для нас, их друзей. Дело в том, что они оба были очень гостеприимными людьми, а Нина, вдобавок к этому, была еще и хорошим кулинаром. С огромным удовольствием вспоминаю дни рождения хозяев этого хлебосольного дома, и при этом всегда ощущаю изумительное послевкусие в полости своего рта.
Я недаром написал в начале своего «повествования» о том, что яблоко от яблони недалеко падает. Николай Федорович Русанов, действительно, был достойным сыном своих знаменитых родителей.
Борис ПОНОМАРЁВ
==========
Замечательный текст Бориса Михайловича извлечен из фэйсбука.
К сожалению, люди стареют, уходят. Вот фото с поминального обеда, когда ушел Николай Федорович Русанов. 2017 год, январь.

sreda.uz

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

14.12.2020